

misterium

misterium

**РУТ
РЕНДЕЛЛ**

ЖИВАЯ ПЛОТЬ

Москва
2016

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44
Р39

Ruth Rendell
LIVE FLESH

Copyright © 1986 by Kingsmarkham Enterprises Ltd.

This edition published by arrangement with United Agents
LLP and The Van Lear Agency LLC

Ренделл, Рут.

Р39 Живая плоть / Рут Ренделл ; [пер. с англ.
Д. В. Вознякевич]. — Москва : Издательство «Э»,
2016. — 384 с.

ISBN 978-5-699-89312-6

Виктор Дженнер считает себя невинной жертвой обстоятельств. Это правда, что он изнасиловал несколько женщин, но разве можно винить человека в том, что он не может себя контролировать? А выстрел в полицейского, на всю жизнь приковавший того к инвалидному креслу, — просто-напросто трагическая случайность. Он никому не желал зла. Разве справедливо, что из-за этого досадного случая ему пришлось провести десять лет в тюрьме?

Выйдя на свободу, Виктор оказался в незнакомом и равнодушном мире — ни друзей, ни работы, ни планов на будущее. Судьба вновь сводит преступника с жертвой: Виктор знакомится с искалеченным им полицейским и его прекрасной невестой. Встреча дает ему надежду на новую жизнь, но вместо этого становится причиной новой череды ошибок и трагедий...

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44

© Вознякевич Д.В., перевод на русский
язык, 2014
© Издание на русском языке,
оформление. ООО «Издательство «Э»,
2016

ISBN 978-5-699-89312-6

Глава 1

Пистолет был не настоящим, просто хорошая подделка. Спенсер сказал Флитвуду, что уверен в этом на девяносто девять процентов. Флитвуд понимал, что на самом деле его уверенность достигает примерно сорока девяти, но в любом случае не придавал особого значения словам начальника. Он и сам не думал, что это был настоящий пистолет. Насильникам не нужно настоящее оружие. Для запугивания муляж годится ничуть не хуже.

Разбитое девушкой окно представляло собой пустое прямоугольное отверстие. С тех пор как Флитвуд приехал сюда, этот человек появился в нем всего один раз. Вышел на зов, но ничего не сказал, стоял там около тридцати секунд, держа пистолет обеими руками. Молодой, примерно одних лет с Флитвудом, с темными волосами до плеч по тогдашней моде. В темных очках. Постояв с полминуты, резко повернулся и скрылся в полутьме комнаты. Девушку Флитвуд не видел и не слышал, словно ее там и не было.

Он сидел на стене садовой ограды на противоположной стороне улицы, наблюдая за окном. Его ма-

шина и полицейский фургон стояли у тротуарного бордюра. Двум полицейским в форме удалось оттеснить собравшуюся толпу и удерживать за импровизированным барьером. Рассеять ее, хоть и начинался дождь, было бы невозможно. По всей улице парадные двери были распахнуты, на ступенях стояли женщины, ожидая дальнейшего развития событий. Немного раньше одна из них, услышавшая звон разбитого стекла и женский крик, подошла к телефону и набрала три девятки¹.

Не то Кенсел-Райз, не то Уэст-Килберн, не то Броденсбери — какой-то непонятный район, затерявшийся между границ. Флитвуд никогда здесь не бывал, только проезжал на машине. Улица с названием Солент-гарденз была длинной, прямой, ровной, с рядами двухэтажных домов по обеим сторонам: одни были выстроены в Викторианскую эпоху, другие гораздо позднее, в двадцатые и тридцатые годы. Дом, в котором было разбито окно, номер шестьдесят два по Солент-гарденз, был одним из новых — краснокирпичным, с каменной крошкой в штукатурке, с желобчатой черепицей на крыше, черно-белыми цифрами номера и голубой парадной дверью. При каждом доме были палисадники и небольшие газоны, живые изгороди из японской жимолости или бирючины, огороженные небольшими каменными или кирпичными стенами. Сидя на одной из них

¹ 999 — телефонный номер для вызова полиции, «Скорой помощи» или пожарной команды.

под дождем, Флитвуд начал раздумывать, что ему делать дальше.

О пистолете не упоминала ни одна из жертв насильника, так что, видимо, он приобрел муляж недавно. Две из потерпевших — всего их было пять, или, по крайней мере, пять обратились в полицию — смогли описать преступника: высокий, стройный, двадцать семь — двадцать восемь лет, смуглый, длинные темные волосы, темные глаза и очень черные брови. Иностранец? Азиат? Грек? Не исключено, но, может быть, просто англичанин, имевший смуглых предков. Одна из девушек сильно пострадала, потому что дралась с ним, но оружия при этом насильник не использовал, действуя только руками.

Флитвуд слез со стены и пошел к парадной двери дома напротив, чтобы еще раз поговорить с миссис Стед, которая вызвала полицию. Она уже сказала ему, что девушку зовут Розмари Стэнли, что живет она вместе с родителями, но те сейчас в отъезде. Было без пяти восемь утра, полтора часа назад Розмари разбила окно и закричала.

Флитвуд спросил, видела ли миссис Стед девушку.

— Он оттащил ее раньше, чем я успела хоть что-нибудь заметить.

— Мы не можем этого знать, — сказал Флитвуд. — Думаю, она ходит на работу? Разумеется, когда все нормально?

— Да, но никогда не выходит из дома раньше девяти. Чаще всего в десять минут десятого. Могу ска-

зять вам, что произошло, — я обо всем догадалась. Он позвонил в дверь, она вышла на звонок в ночной рубашке, он сообщил, что пришел снять показания электросчетчика — сейчас снимают показания за этот квартал, должно быть, он об этом знал. Розмари повела его наверх, и тут-то он и попытался на нее наброситься. Она тут же разбила окно и отчаянно позвала на помощь. Вот так, должно быть, все и было.

Флитвуд в этом сомневался. Прежде всего электросчетчик не будет висеть наверху. Все дома в этой части улицы одинаковы, и у миссис Стед счетчик был расположен рядом с парадной дверью. Одна в доме темным зимним утром, Розмари Стэнли вряд ли открыла бы дверь незнакомцу. Она бы выглянула из окна узнать, кто там. Женщины в этом районе были так напуганы рассказами о насильнике, что ни одна с наступлением темноты носа из дома бы не высунула, не стала бы спать одна в доме, если бы это зависело от нее, и тем более не открыла бы входную дверь, не накинув на нее цепочку. Местный торговец скобяными изделиями уже сообщил Флитвуду, что спрос на дверные цепочки в последние недели взлетел. Полицейский думал, что, скорее всего, этот человек с пистолетом вломился в дом и вошел в спальню Розмари Стэнли.

— Выпьете кофе, инспектор? — спросила миссис Стед.

— Сержант, — поправил ее Флитвуд. — Нет, спасибо. Может быть, позже. Хотя я надеюсь, что никакого «позже» не будет.

Он перешел улицу. Толпа за барьером терпеливо ждала под мелким дождем, подняв воротники пальто и спрятав руки в карманы. В конце улицы, там, где она отходила от автострады, один из полицейских спорил с водителем грузовика, хотевшим подогнать к дому свою машину. Спенсер предсказывал, что человек с пистолетом выйдет и сдастся, увидев Флитвуда и остальных: насильники известные труссы, это все знают, да и какой смысл ему тянуть время? Однако сдаваться преступник не спешил. Флитвуд подумал, что, возможно, насильник еще надеется убежать. Если это *тот* насильник. Уверенности в этом у них не было, а Флитвуд был приверженцем точности и справедливости. Через несколько минут после звонка миссис Стед в участок пришла девушка по имени Хизер Коул в сопровождении женщины по имени Джон Парр и сообщила, что полчаса назад подверглась нападению в Куинз-парке. Она прогуливала собаку, какой-то мужчина схватил ее сзади, но она закричала. В этот момент возник мистер Парр, и тот человек убежал. Преступник направился в эту сторону, подумал Флитвуд, юркнул в шестьдесят второй дом, спасаясь от преследования, и вовсе не собирался насиловать Розмари Стэнли, так как только что потерпел неудачу с Хизер Коул. Во всяком случае, сержант считал именно так.

Флитвуд подошел к дому Стэнли, открыл маленькую разукрашенную кованую калитку, пересек квадрат мокрой ярко-зеленой травы и обошел вокруг дома. Изнутри не доносилось ни звука. Открытая

боковая стена была гладкой, без водосточных труб или выступов, лишь с тремя маленькими окнами. Однако сзади была пристроена кухня, крыша этой пристройки поднималась от земли самое большое на восемь футов. Взобраться на нее можно было по стене, вдоль которой росло вьющееся растение без шипов — очевидно, глициния, подумал полицейский, занимавшийся на досуге садоводством.

Над этой низкой крышей было открыто поднимающееся окно. Флитвуд оказался прав. Он заметил доступ в сад из переулка сзади по дорожке из серых плит, шедшей мимо бетонного гаража. «Если все остальное не даст результатов, — подумал он, — я или кто другой вполне сможем проникнуть внутрь тем же путем, что и человек с пистолетом».

Когда Флитвуд вышел снова к фасаду, его окликнул голос. В голосе звучал страх, но от этого он был не менее пугающим. Он был неожиданным, и Флитвуд даже вздрогнул. Понял, что нервничает, что боится, хотя раньше этого не сознавал. Заставил себя идти, не бежать, к передней дорожке. Человек с пистолетом стоял у разбитого окна, из которого уже выбил все стекла на клумбу внизу. В правой руке он держал пистолет, левой отводил назад штору.

— Вы здесь главный? — спросил он Флитвуда.

Будто бы Флитвуд руководил здесь каким-то спектаклем. Что ж, может, и так, притом успешно, судя по вниманию зрителей, терпящих холод и дождь. При звуке этого голоса из толпы вырвался какой-то звук, не то общий вздох, не то ропот, напоминающий шум ветра в верхушках деревьев.

Флитвуд кивнул:

— Да.

— Значит, договариваться надо с вами?

— Никаких переговоров не будет.

Человек с пистолетом как будто это обдумал.

Спросил:

— Какое у вас звание?

— Я детектив-сержант Флитвуд.

На худощавом лице этого человека явственно отразилось разочарование, хотя глаза его и были скрыты темными очками. Видимо, он полагал, что разговаривает по меньшей мере со старшим инспектором. Пожалуй, нужно сказать Спенсеру, что требуется его присутствие, пришло на ум полицейскому. Пистолет теперь был наведен на него. Флитвуд, разумеется, не собирался поднимать руки. Это Кенсел-Райз, не Лос-Анджелес. Хотя какая, в сущности, разница? Детектив посмотрел в черное дуло пистолета.

— Мне нужны гарантии, что я смогу выйти отсюда и получу полчаса на то, чтобы скрыться. Девушку возьму с собой и через полчаса отправлю ее сюда на такси. Идет?

— Шутите? — сказал Флитвуд.

— Для нее это будет совсем не шуткой. Пистолет видите, так ведь?

Флитвуд не ответил.

— Даю вам на размышление час. Потом стреляю.

— Это будет убийством. Неизбежный приговор за него — пожизненное заключение.

Голос, низкий, негромкий, однако невыразительный — создававший у Флитвуда впечатление, что

обладатель почти не пользуется им, — стал холодным. Он говорил о страшных вещах с полным безразличием.

— Я ее не убью. Я выстрелю в нижнюю часть ее спины, в поясницу.

Флитвуд промолчал. Что тут можно было сказать? Эта угроза могла вызвать только моральное осуждение или потрясенный упрек. Он отвернулся, заметив уголком глаза приближение знакомой машины, но слитный вдох толпы заставил его снова обратить взгляд к окну. Девушка, Розмари Стэнли, стояла в пустом прямоугольнике окна с выбитыми стеклами, напоминая позой рабыню на невольничьем рынке. Руки связаны за спиной, голова свешена. Мужчина — видно было только его руку — ухватил ее за длинные волосы и оттянул голову назад. Это резкое движение заставило девушку вскрикнуть.

Флитвуд ожидал, что толпа обратится к ней или что заговорит она, однако не произошло ни того, ни другого. Розмари молча смотрела прямо перед собой, неподвижная от страха, как статуя. Пистолет, подумал детектив, видимо, упирается ей в спину, в поясницу. Наверняка она слышала, что пообещал сделать этот человек. Негодование толпы было таким сильным, что Флитвуду казалось, будто он ощущает его физически. Он знал, что ему следует приободрить девушку, но не мог придумать ничего нелицемерного, нефальшивого. Девушка была маленькой, худощавой, с длинными светлыми волосами, одетой не то в домашнее платье, не то в халат. Ее

талию обвила рука, оттащила назад, и впервые окно задернули шторой. Собственно, то были две занавеси из толстой ткани, плотно прилежавшие друг к другу.

Спенсер по-прежнему сидел на пассажирском сиденье «Лендровера», читая какую-то бумагу. Он был из тех, кто, если не занят другими делами, вечно перечитывает какой-нибудь документ. Флитвуд подумал о том, как искусно он готовился к командирской должности: его густые волосы были тронуты едва заметной сединой, выбрит он был чище, чем обычно, кожа для середины зимы была на удивление загорелой, кремовая рубашка была поплиновой, шикарный плащ определенно «Барберри». Сержант сел на заднее сиденье машины, и Спенсер обратил на него голубые, как газовое пламя, глаза.

На взгляд Флитвуда, чтение, как всегда, информировало Спенсера обо всем не имеющем отношения к делу, не способствующем разрешению кризиса.

— Ей восемнадцать лет, школу окончила прошлым летом, работает в машинописном бюро. Родители сегодня утром уехали на юго-запад, соседи говорят, что такси отъехало около половины восьмого. У отца миссис Стэнли в Херефорде коронарный тромбоз. Мы сообщим им о случившемся, как только сможем с ними связаться. Ни к чему, чтобы они видели это по телевизору.

Флитвуд тут же подумал о девушке, с которой на будущей неделе должен был вступить в брак. Узнает Диана о том, что он здесь, и будет беспокоиться? Но

пока что, насколько он мог судить, сюда не явились ни телевизионщики, ни другие журналисты. Он передал Спенсеру требования преступника и его угрозу выстрелить в Розмари Стэнли.

— Можно быть уверенными на девяносто девять процентов, что это всего лишь муляж, — сказал Спенсер. — Как он проник туда? Мы это знаем?

— По растущему у задней стены дереву.

Флитвуд знал, что, если сказать «глициния», Спенсер не поймет, о чем речь.

Спенсер пробормотал что-то, и Флитвуд поневоле попросил его повторить.

— Я сказал, сержант, что нам нужно туда войти.

Тридцатисемилетний Спенсер был почти на десять лет старше сержанта. Полнел, как, возможно, подобало будущему командиру. Превосходивший Флитвуда возрастом, уступавший ему в физической форме, обгонявший его на две ступени по званию, он имел в виду, что войти туда должен Флитвуд, возможно, взяв с собой одного из молодых детективов-констеблей.

— Возможно, по дереву, о котором ты говорил, — добавил Спенсер.

Окно было открыто, ждало его. Внутри — человек с настоящим пистолетом или хорошей подделкой — как знать? — и перепуганная девушка. У него, Флитвуда, не было никакого оружия, кроме рук, ног и ума. Когда он заговорил со Спенсером о выдаче пистолета, суперинтендант посмотрел на него так, словно он попросил ядерную боеголовку.

Было уже без четверти десять, а человек с пистолетом предъявил ультиматум примерно в двадцать минут десятого.

— Будем разговаривать с ним, сэр?

Спенсер неприятно улыбнулся:

— Трусишь, сержант?

Флитвуд ничего не ответил. Спенсер вылез из машины и перешел улицу. Чуть поколебавшись, сержант последовал за ним. Дождь прекратился, сплошные серые тучи слегка разошлись, и небо пестрело серыми, белыми и голубыми пятнами. Казалось, стало холоднее. Толпа теперь растянулась до Чемберлен-роуд, автострады, идущей через Кенсел-Райз к Лэдброк-Гров. Флитвуд видел, что движение по Чемберлен-роуд остановлено.

В разбитом окне задернутые шторы трепетали от легкого ветерка. Спенсер сошел с относительно чистой бетонной дорожки на грязную траву без колебания, без взгляда на свои блестящие черные итальянские туфли. Остановился посреди газона, расставив ноги, сложив на груди руки, и обратился к окну голосом человека, поднявшегося в полиции по служебной лестнице, твердым холодным тоном, без местного акцента, без претензий на культурность, почти без интонаций, голосом сенситивно запрограммированного робота:

— Это детектив-суперинтендант Рональд Спенсер. Подойдите к окну. Я хочу поговорить с вами.

Казалось, шторы затрепетали сильнее, но, возможно, это был лишь очередной порыв ветра.